

Новость о том, что ко второй невестке семейства Лин приехали городские родственники, упала в сонную жизнь деревни семьи Лин каплей раскаленного масла в чан с кипящей водой. Весть мигом облетела округу, и толпа любопытных потянулась к усадьбе. Мужики и бабы теснились у ворот, самые бойкие карабкались на глинобитные заборы и лезли на ветви старых деревьев — каждому хотелось хоть краем глаза взглянуть на городского гостя.

Сун Чжиши прятаться не собирался. Напротив, он широко распахнул двери просторного яодона, позволяя зевакам рассмотреть себя во всех подробностях.

Они подросли как раз вовремя: Чжиши увлеченно рассказывал домашним, как проходил жесткий отбор в ансамбль песни и пляски.

Для деревенских жителей эта сфера казалась чем-то недостижимым, почти сказочным. Многие из них отродясь не слышали о подобных заведениях, не говоря уже о том, чтобы работать там и получать государственное жалованье.

Чжиши рассказывал о вступительных испытаниях живо, в деталях, искусно приправляя историю мелкими невзгодами ради пущей убедительности. Собравшиеся слушали его затаив дыхание, то и дело охая от удивления.

—... Ну и в итоге меня приняли в ансамбль! — закончил он под одобрительный гул и аплодисменты толпы.

Сун Чжиин радовалась за брата сильнее всех.

— Раз уж устроился, трудись на совесть, — сияя от гордости, наставляла она. — И нечего так часто отпрашиваться, чтобы меня навестить.

— Да я ведь услышал, что у меня племянница родилась! Разве мог усидеть на месте? — Чжиши улыбнулся. — Ты за меня не переживай, сестра. Мой отпуск официально одобрен начальством.

С тех пор как Чжиин выдали замуж в деревню семьи Лин, семья Сун ради её безопасности почти оборвала с ней все связи. Каково приходилось изнеженной городской барышне в чужом краю, на тяжелой крестьянской работе, да еще и без поддержки родных — Чжиши понимал без слов. Он приехал сюда с одной твердой целью: показать местным, что у его сестры есть надежная опора.

— Совсем заболтался! Я ведь и гостинцев вам привез.

Услышав про подарки, детвора облепила Чжиши плотным кольцом.

Лин Баого, опасаясь, как бы внуки не затолкали дорогого гостя, замахал на них руками:

— А ну-ка брысь! Отойдите, нечего наседать!

— Ничего страшного, дедушка, всем хватит, — добродушно отозвался Чжиши, открывая дорожную сумку. — Пустяки, безделицы всякие.

Первым делом он извлек на свет целый блок сигарет «Хунташань» и протянул его Лин Баого.

В толпе завистливо ахнули.

— Дядя Баого, я не знал, чем вас порадовать, вот... взял хорошего табака.

Шутка ли — знаменитая юньнаньская марка! В глухой провинции, где мужики крутили самокрутки из злого домашнего самосада, о «Хунташань» даже мечтать не смели. Чжиши достал их с большим трудом, через армейские связи Гу Хуая.

Лин Баого принял тяжелый блок, ошарашенно хлопая глазами. За долгие годы председательства он ни разу не держал в руках такого дорогого курева.

Следом Чжиши выудил из глубин сумки плотный рулон материи, который со скандалом выбил на складе.

— Сестра, это тебе на новое платье, — он бережно передал отрез Чжиин.

Когда-то их семья владела текстильными фабриками, и слуги в особняке Сун не стали бы носить одежду из подобного материала. Но в эти скудные времена даже такой простой отрез превратился в неслыханное сокровище.

У Сун Чжиин защипало в глазах. Она поспешно отвернулась, чтобы не разрыдаться на людях.

Чжиши заметил её реакцию. Её скромное платье давно выцвело и протерлось на локтях — видать, носила его уже не первый год.

Он склонился к её уху и тихонько шепнул:

— Сестра, пока носи это. Обещаю, пройдут годы, и я подарю тебе самые лучшие шелка.

— Нынче времена другие, — покачала она головой, легонько щелкнув его по носу. — Хватит сорить деньгами.

— Я всё прекрасно понимаю. Но разве ты откажешься от подарка брата?

Пока Чжиин колебалась, Лю Ляньсян подскочила коршуном и ловко перехватила сверток. Заметив ошеломленные взгляды брата и сестры, она тут же расплылась в заискивающей улыбке:

— Ох, невестка, ну и красота! Ты не переживай, я сама тебе платье скрою, у меня ведь руки золотые!

Ее мотивы были предельно просты. Отрез был щедрым, на два полноценных наряда хватит с лихвой. А из богатых остатков можно будет скроить чехлы или обноски для своих сорванцов.

— Господи, до чего гладкая ткань... — шептались деревенские бабы.

— И цвет какой яркий! Поди, целое состояние стоит?

— Да тут одних денег мало, на такую роскошь особые талоны нужны, из тех, что городским выдают!

Чжиши улыбнулся и достал заветную жестяную баночку:

— Это тоже тебе, сестра. Защитит лицо от зимней стужи.

Банка крема «Снежинка», выпрошенная у мастера Фаня, была слегка потертой, но Чжиши бережно оттер ее до блеска. Главное — внутри был целебный глицерин, а срок годности еще не вышел.

Теперь деревенские женщины смотрели на Чжиин не просто с завистью, а с благоговейным трепетом. О таком заботливом брате, который помнит даже о девичьих мазях для лица, их суровые мужья и помыслить не могли.

Чжиши порылся в сумке и наткнулся на круглую створку ракушки с Мазью в ракушке. Он тут же протянул её опешившей Лю Ляньсян:

— Невестка Ляньсян, держи. Это тебе. Намажешь руки, если кожа обветрится на холоде. Отличная штука.

— Ой... И мне тоже?! — Глаза женщины вспыхнули от восторга. Вспомнив, как еще утром ворчала на золовку, она устыдилась и застенчиво спрятала руки за спину.

— Бери, раз дают! — прикрикнул на смутившуюся невестку Лин Баого, мысленно сокрушаясь о ее неотесанности.

Напоследок Чжиши выгреб из сумки горсть разноцветных леденцов:

— Разбирайте сладости, детвора! Ешьте скорее. На Новый год дядя привезет еще больше.

— Ура, конфеты! Конфеты! — раздался радостный визг.

Когда спустились сумерки, толпа зевак наконец разошлась.

Лин Баого, бережно спрятав блок сигарет за пазуху, стал относиться к молодому барину еще уважительнее:

— Дорога была долгой, ты, должно быть, сильно устал. Ступайте к сестре в комнату, поговорите спокойно.

Слухи о зажиточности семейства Лин подтверждались делом. Сыновья у Лин Баого выросли крепкими, работающими, и каждый успел выстроить для себя просторные, сухие пещеры-яодоны.

У самого Лин Баого прямо напротив ворот красовались три соединенные пещеры: в центральной устроили общую залу, а боковые занимали старший сын Лин Цзясян со своей семьей и младшие сыновья Лин Цзяхуа и Лин Цзяю. Чуть в стороне виднелась пристройка поновее — там обосновался второй сын Лин Цзясянь с супругой.

В их комнате до сих пор угадывался недавний уют новобрачных: мебель пахла свежим лаком, а убранство казалось почти новым.

Чжиши осмотрелся и нахмурился:

— Сестра, а где мебель, которую дедушка дал тебе в приданое?

— Продала, — с напускной легкостью отозвалась Чжиин.

— Про... продала?! — Чжиши не поверил своим ушам.

— А на что, по-твоему, живет вся эта огромная орава? — Чжиин вздохнула, присаживаясь на край кровати. — Едва я вошла в этот дом, как старшему брату приспичило жениться — понадобился выкуп за невесту. Потом младшим пришло время учиться. Теперь вот внуки подрастают, школа на носу... Везде нужны деньги. Не на одну же скромную зарплату свекра содержать всю семью?

Она достала из шкатулки поношенный тряпичный кошелек:

— К чему хранить громоздкие шкафы из прошлой жизни? Только место занимали. Скажи лучше, сколько ты потратил на все эти подарки? Я верну.

Чжиши недовольно насупился. Ему было горько видеть, как некогда изнеженная барышня теперь выкраивает гроши ради чужих людей.

— Не нужно мне ничего возвращать. Я теперь сам зарабатываю и не позволю тебе отдавать последнее ради их прихотей.

— Ох, поглядите на него, губы надул — хоть ведро вешай! — ласково рассмеялась Чжиин, пряча кошелек обратно в комод. — Ну хорошо-хорошо, не буду.

Чжиши подошел к люльке и заглянул внутрь, где мирно сопела новорожденная племянница.

— Кстати, всё забываю спросить: а где зять? Почему его не видно?

— Он уехал в город сдавать экзамены в редакцию местной газеты. Я сама уговорила его ехать, ведь чувствую себя уже окрепшей.

Чжиши покачал головой:

— Но ты ведь только-только родила, еще слаба! Ему следовало остаться и помочь тебе оправиться после родов.

— Если бы он пропустил этот шанс из-за меня и провалился, то всю жизнь тайно винил бы меня в своей неудаче, — мягко возразила сестра, бережно доставая малышку из колыбели и показывая брату, как правильно поддерживать крохотную головку.

— Хороший муж должен понимать, что здоровье жены и ребенка важнее любых экзаменов, — упрямо буркнул Чжиши.

— В теории это так, — вздохнула Чжиин. — Но жизнь длинная. Обиды имеют свойство копиться, и со временем любая мелочь может превратиться в глухую вражду.

Чжиши промолчал, но насупился еще сильнее.

— Ну что за упрямец! — Чжиин легонько подтолкнула его локтем. — Неблагодарный ты мальчишка. Забыл уже, как зять пылинки с тебя сдувал?

Прошло слишком много времени, и прошлая жизнь казалась Чжиши подернутой туманом. Он действительно почти позабыл теплоту зятя, как забыл когда-то и преданность Гу Хуая. Сестра была права: он вел себя эгоистично и беспечно.

После долгого молчания Чжиши тихо произнес:

— Сестра, ты стала совсем другой.

Чжиин удивленно вскинула брови:

— И какой же?

— Более... сильной. Мудрой, что ли. Помнишь, как рассказывала наша учительница Сусанна? Настоящая, независимая женщина.

— Глупенький, — прыснула Чжиин, прикрывая рот ладонью. — Хочешь сказать, раньше я была дурочкой? Смотри у меня, схлопочешь!

Они негромко рассмеялись, и эта теплая волна веселья мигом стерла годы разлуки.

Чжиши прикрылся ребенком от шутливого замаха сестры:

— Гляди, какая красавица. Вся в тебя.

— Если пойдет в отца, тоже будет не дурна собой. У нас в роду все детки ладные.

— Как вы её назвали?

«В прошлой жизни, когда до меня донеслись вести из этой глуши, малютка уже покинула этот мир. Ей даже не выделили места на семейном кладбище — некрещеных младенцев зарывали без имени и памяти. Я так и не узнал, как её звали...»

Девочка сладко зевнула в его руках.

— Цзясянь еще до родов все придумал, — продолжала Чжиин, поправляя пеленки. — Если бы родился мальчик, назвали бы Сяосинем, от слова «рассвет». А для девочки выбрали имя Сяосинь — от слова «благоухание».

— Лин Сяосинь? Звучит простовато, — Чжиши невольно сравнил имя с вычурными именами из своего будущего, но тут же осекся. Это было куда лучше уродливых деревенских имен вроде Чжаоди или Паньди, означающих призыв к рождению сыновей.

— Свекровь поначалу настаивала на каком-нибудь простом, «грязном» прозвище, чтобы злые духи не позарились и ребенок рос крепким... Но муж настоял на Сяосинь. Как там говорилось в древних стихах? «Пусть обитель моя бедна и невзрачна, лишь добродетель моя благоухает». Очень красивое имя.

У Чжиши сжалось сердце при упоминании суеверий о выживании младенцев. Он с тревогой спросил:

— Сяосинь... у неё слабое здоровье?

— Родилась крошечной, но доктор сказал, что опасности нет, — успокоила его сестра. — Окрепнет со временем.

— Ладно, бог со мной. Расскажи лучше, как вы там ладите с Гу Хуаем?

Чжиши нахмурился, вспомнив оставленную на столе записку. Гу Хуай вечно пропадал на службе, а теперь, после перевода на шахту, стал занят еще пуще прежнего.

— Да нормально, — буркнул он с затаенной обидой.

— Что значит «нормально»? — не унималась Чжиин. — Ты мне зубы не заговаривай. Помню я, как их семейка когда-то взяла у нашего дедушки пятьсот юаней. Если этот твердолобый солдафон посмеет хоть пальцем тебя тронуть или обидеть...

— И что ты сделаешь? — улыбнулся Чжиши, глядя на воинственный вид сестры.

— Уж я-то найду на него управу, — отрезала она.

Чжиши знал, что сестра не шутит. В юности, когда их старшая сестра рассталась с женихом, Чжиин без раздумываний поехала в его университет и устроила такой скандал, что парню пришлось прятаться.

— Да ну тебя, мы сами разберемся... — смущенно пробормотал Чжиши. — К тому же, ты его совсем не знаешь. Он... он очень хороший человек.

Тем временем Гу Хуай, о котором они говорили, только к вечеру выбрался на поверхность после тяжелой смены в забое.

Войдя в свой скромный дом, он сразу почувствовал едва уловимый след чужого присутствия.

На грубом деревянном столе лежал аккуратный белый конверт.

Распечатав его, Гу Хуай обнаружил внутри аккуратную пачку одноюаневых купюр — ровно десять штук.

Следом на пол скользнул клочок бумаги.

Он поднял его. На листе размашистым, летящим почерком красовалось короткое слово: «На хозяйство!».

А чуть ниже, бисерными буквами: «От Сун Чжиши для Гу Хуая».

Гу Хуай невольно улыбнулся, представив, с каким гордым и независимым видом юноша выводил эти строки.

Однако улыбка тут же угасла. Вспомнив о результатах недавнего расследования, он вновь помрачнел.

Гу Хуай бережно убрал деньги к общим сбережениям, а записку спрятал в шкатулку, после чего запер дверь и поспешил на выход.

Дождавшись, пока племянница крепко уснет, Чжиши осторожно опустил её в люльку и принялся разбирать оставшиеся вещи из своего дорожного узла.

— Вот, я еще привез солодовое сухое молоко для Сяочуаня и Сяобао. И кусок мыла для тебя, ты ведь всегда любила чистоту.

— Спасибо тебе, глупый, — тихо ответила Чжиин, ласково глядя на брата.

Они замолчали, но в этой тишине звенела глубокая, искренняя нежность — связь, которую не смогли разрушить ни годы разлуки, ни суровые испытания судьбы.

<http://bllate.org/book/19670/1996406>